

22 ИЮН 1980

ПРАВДА ВОСТОКА
г. ТАШКЕНТ

ВСТРЕЧИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

ГАСТРОЛИ

РЕПУТАЦИЯ — вещь прекрасная. Предваряя нашу непосредственную встречу с кем-то, она заранее обеспечивает доброжелательное, уважительное отношение, настроение приятия, готовность к интересному контакту. Репутация новосибирского театра «Красный факел» — одного из старейших и по праву знаменитых в Сибири и стране — связана с уважаемыми именами актеров и режиссеров, бесспорными успехами спектаклей, вошедших в историю советского театра.

Но репутация одновременно — вещь и опасная. Вы по традиции ожидаете спектакль углубленно психологический, а смотрите озорное, резкое по своим краскам представление. Вы по традиции... А, впрочем, есть ведь определенная несправедливость по отношению к сегодняшнему дню театра — воспринимать его практику только как подкрепление давней доброй репутации. Театр — дело живое, меняющееся с каждым новым поколением его творцов и зрителей, и чем явственнее эти перемены, тем, пожалуй, точнее поддерживается главная репутация: сильного творческого организма.

Итак, без скидок или оправданий, связанных с великоллепной репутацией, попытаемся ответить на вопрос: каким предстает на гастролях в Ташкенте «Красный факел»?

Прежде всего — сама по себе афиша. Без преувеличения можно сказать: она поражает, поражает тем, что большие десятки спектаклей поставлено по пьесам лучших современных и классических авторов, и в выборе пьес почти нет компромиссов. Явление редкое не только для периферийных, но и для многих столичных театров, и это, бесспорно, делает честь коллективу.

Однако некоторые из этих пьес, удобно разводимые по ролям среди труппы именно данного театра, актуальные своей проблематикой, обладают при всем том, я бы сказала, обманчивой «самонравностью». Точно легла на индивидуальность А. Покидченко главная роль Надежды Миловановой в пьесе В. Павловой «Поговорим о странностях любви». Да и сама постановка вопроса о любви преданной и не ищущей никакой выгоды, кроме права быть рядом с тем, без кого немислима настоящая, пусть и неустроенная жизнь, — эта проблема и важна, и волнует... Спектакль же идет в несколько декларативном, назидательном тоне, какой противопоставлен самой теме, отсюда — однолинейность, с какой персонажи разделены на «положительных» и «отрицательных» (скажем, нарочито и одинаково со всеми резкий Георгий Милованов — А. Лосев).

Правда, упреки этому спектаклю вроде даже как-то и неудобно адресовать: он выдержал уже восемь лет сценической жизни, в нем сменились многие исполнители, да и режиссера К. Чернышева, поставившего его, уже нет в театре... Но те же упреки можно в определенной мере адресовать и более поздним спектаклям, например, «Дон Хуану» Г. Фигейреду в постановке С. Иоаниди.

В то же время в репертуаре театра есть сейчас спектакли, в которых театр

верно нашел «свою» драматургию, сделал верную ставку на актерские силы. В частности, такими спектаклями мне представляются «Большевики» М. Шатрова и «Правда хорошо, а счастье лучше» А. Островского.

«Большевики» — это спектакль, который нельзя играть равнодушно. Невозможно равнодушно вести рассказ о переживаниях первых советских наркомов, испытанных ими в ночь после покушения на жизнь В. И. Ленина. Человеческая взволнованность, лирическая интонация — неременное условие удачи при постановке этой пьесы, и здесь «Красный факел» оказывается в основном на высоте. В этом спектакле, поставленном главным режиссером театра С. Иоаниди, центр тяжести падает не на сложную политическую дискуссию о красном терроре, а на проявление человеческой любви к Ленину и волнение за его жизнь. Драгоценные своей искренностью и непосредственностью. И нам запомнятся трогательно-неприкаянная фигура Луначарского — В. Чумичева, стоящего у кудисы и заглядывающего туда, где лежит раненый; ожидание и мольба в позе и глазах Ульяновой — Н. Деминной; все ускоряющийся бег Свердлова — А. Дорожки в финале, когда, потрясенный пережитым, он торопится сообщить товарищам о появившейся надежде... Точность социального и нравственного посыла, заметная в этом спектакле, направляет восприятие в верное русло.

Режиссер Д. Маслеников в построении своего спектакля «Правда хорошо, а счастье лучше» стремится выдержать стиль русского лубка — наивного, яркого, ничуть не претендующего на психологическую сложность, веселого и озорного. Этот стиль хорошо ощущается в пародийной надрини, возникающей несколько раз в исполнении простенькой, кукольного вида парочки и как бы иллюстрирующей немудреные переживания героев спектакля. Ощущается стиль и в некоторых элементах оформления (художник Е. Гороховский), скажем, в двух стеганых шелковых голубках, которые живут на садовой скамье и однажды начинают игриво «трепетать» в руках влюбленных героев.

Пожалуй, точнее других актеров этаким скомороший дух несет в своей игре В. Харитонов, буквально купающийся в шаржевых, даже цирковых гриммах, воплощающих все глупости его Барабошева. Очень хороша в последнем действии грозная бабушка Мавра Тарасовна — А. Гаршина, у которой вместо скучноватой назидательности появляются укрытые покровом старости и памяти о своем высоком положении живое озорство, смешливость, даже мягкость — и роль буквально оживает от этого.

И там, где все элементы театральной выразительности подчинены единой цели, — там спектакль приобретает социальную остроту и завершенность формы.

Гастроли «Красного факела» продолжаются. Впереди новые впечатления, новые суждения, новые знакомства. Впереди — новые встречи...

Т. ЗЛОТНИКОВА.

Кандидат искусствоведения.